

УДК 821.112.2

ОЧЕРК Т.МАННА «В ЗЕРКАЛЕ»: АВТОБИОГРАФИЯ ПИСАТЕЛЯ В ДИАЛОГЕ С РОМАНОМ ВОСПИТАНИЯ

© Л.К.Габдулатзянова

В статье анализируется автобиографический очерк Т.Манна «В зеркале» с точки зрения столкновения в нем двух восходящих к И.В.Гете родственно-антитетичных концепций становления личности. Поэтому объектами исследования являются два гетевских произведения: роман воспитания «Годы учения Вильгельма Мейстера» и автобиографическая книга «Из моей жизни. Поэзия и правда». Доказывается, что Т.Манн, подчеркивая коренное отличие собственной эволюции от позитивного развития обычного бюргера Вильгельма Мейстера, в то же время обнаруживает ее неоспоримое сходство с изображенным в «Поэзии и правде» самоосуществлением молодого гения – Гете.

Ключевые слова: Т.Манн, И.В.Гете, автобиография, роман воспитания, эволюция личности, самоосуществление.

Томас Манн (1875 – 1955) как автор «Волшебной горы» (1924) и «Доктора Фаустуса» (1947) сыграл заметную роль в истории немецкого романа воспитания, призванного изображать сложный и противоречивый процесс личностного становления. Но тема формирования человека вошла в творчество писателя раньше. Начиная с юношеских новелл и романа «Будденброки» (1901), автобиографичные персонажи Томаса Манна педантично регистрируют все внутренние ощущения и состояния, нередко осознавая мучительность несоответствия неподвижности и изолированности собственного существования прочно усвоенному ими представлению о том, что жизнь человека непременно должна быть процессом совершенствования, осуществляемого ради всеобщего благоденствия. В то же время наблюдения писателя за ходом собственной духовно-эстетической и социальной эволюции определяют особенности его многочисленных литературно-критических работ, публицистических статей и автобиографических очерков.

Немецкая потребность в саморефлексии такого рода, даже обреченность на нее, во многом обусловлена мощными импульсами, излучаемыми романом воспитания («Bildungsroman»). Он возник в Германии во второй половине XVIII столетия под совокупным воздействием рыцарского романа, пикарески, биографии и автобиографии, очень скоро превратился в самый популярный и востребованный жанр немецкой словесности и уже сам начал оказывать сильнейшее влияние на мемуарно-биографическую литературу.

И.В.Гете, признанного автором идеального воспитательного романа «Годы учения Вильгельма Мейстера» (1796) и совершенной автобиографии «Из моей жизни. Поэзия и правда»

(1811 – 1831), принято ставить у истоков этих двух жанров. Между названными произведениями много общего. Не случайно С.В.Гайжюнас называет «Поэзию и правду» «воспитательной автобиографией» [1: 44] и подчеркивает, что в основе этой книги, главное внимание уделяющей «изображению роста "я", самоусовершенствованию и самоудовлетворению индивида, формированию творческого гения и личности» [1: 44], лежит та же схема жизнеописания, что и у «Вильгельма Мейстера». Иначе говоря, в обеих книгах неременным условием восходящего развития личности является осознание необходимости, отказавшись от индивидуализма и идеализма, заняться практической общественно полезной деятельностью. Хотя Мейстер на этом пути продвигается дальше, чем юный герой «Поэзии и правды», читателям этой книги, конечно, известны обстоятельства последующей, наполненной трудами, жизни Гете. Но между гетевскими воспитательным романом и автобиографической книгой есть и существенные различия: если для развития скромных талантов Вильгельма Мейстера нужны долгие десятилетия, то гениальные задатки автобиографического героя «Поэзии и правды» раскрываются быстро, и книга завершается тем, что избранность двадцатилетнего Гете становится очевидной и ему самому, и окружающим; если посредственный Мейстер, ощущая потребность во внешнем руководстве, с готовностью подчиняется воле своих наставников, то Гете рано начинает проявлять самостоятельность в суждениях, поступках и творчестве; наконец, если «Вильгельм Мейстер» показывает, каким должно было бы быть развитие обычного бюргера, то «Поэзия и правда» изображает формирование выдающегося человека, которому благодаря воспитанию, самовоспитанию, само-

ограничению и избранности суждено стать аристократом духа и властителем дум, соединить в себе ипостаси гениального художника, великого ученого и влиятельного государственного деятеля.

Томас Манн отмечал, что «вклад Германии в европейское повествовательное искусство представляет собою вклад весьма тонкого свойства; это главным образом роман воспитания и формирования героя, как гетевский "Вильгельм Мейстер", и позднее – "Зеленый Генрих" Готфрида Келлера» [2: 285]. Он был убежден в том, что специфические особенности «Годов учения...» (понимание восходящего становления как движения от индивидуализма к коллективизму; подчеркнутое доминирование общего над частным, мира над личностью; сведение решения воспитательного конфликта «Ich – Welt» к личностному конформизму; трактовка самореализации как приобщения к полезной деятельности; посредственность развивающегося героя; моноцентризм) являются парадигматичными для воспитательного романа. Об этом свидетельствует не столько даже воспроизведение мейстеровской воспитательной модели в «Волшебной горе», сколько дискредитация в «Докторе Фаустусе» гетевской трактовки фаустовской темы: осуществляя ее, Томас Манн находит опору в гуманистических ценностях «Вильгельма Мейстера».

Интересный диалог с романом воспитания мы обнаруживаем в автобиографическом очерке Томаса Манна «В зеркале» (1907).

Это трехстраничное произведение, в котором тридцатидвухлетний писатель показывает свой путь к зрелости, отчетливо распадается на три части. В первой части автор пародирует схему классического романа воспитания, основанную на изображении этапов эволюции приобщающегося к полезной деятельности героя, и описывает, как в своем «темном, заторном прошлом» [3: 19], ведя «праздную жизнь» [3: 19], «беспутное существование» [3: 20], он «скатывался все ниже, со ступени на ступень» [3: 20]. Вторая, контрастная по отношению к первой, часть очерка живописует то благополучное «сегодня» [3: 20], к которому писатель пришел вопреки предсказаниям и ожиданиям «стражей» [3: 21] его юности. В третьей части Томас Манн ищет и находит ответ на вопрос: «Каким образом все это так сложилось, за какие такие заслуги?» [3: 20].

Безусловно, травестирование ценностей, провозглашаемых классическим романом воспитания, в насыщенном «иронией юного артиста» [4: 65] автобиографическом очерке «В зеркале» автором было осуществлено не с целью самодискредитации, а с тем чтобы подчеркнуть свою не-

принадлежность к кругу посредственных филистеров-конформистов.

И все же пародийность, пожалуй, не вполне характерна для подобного рода произведений. Мы бы объяснили ее тем, что в 1905 г. Томасом Манном были задуманы «Признания авантюриста Феликса Круля» (1922; 1954). До завершения в 1909 г. «Королевского высочества» к непосредственной работе над ними писатель не приступал, но, видимо, был настолько пленен никогда им еще «не применявшейся автобиографической прямоотой, требуемой грубостью модели» [5: 129] запланированного произведения, что не смог удержаться от того, чтобы не опробовать ее в очерке «В зеркале». Обращает внимание созвучность образов артистичного мошенника Круля и автобиографичного героя очерка, который, как и все писатели, «малый ребячливый, склонный ко всякому беспутству, – словом, во всех отношениях подозрительнейший шарлатан» [3: 21]. Сближает этих персонажей и их подчеркнутая противопоставленность Вильгельму Мейстеру: они, в отличие от гетевского героя, игнорируют призывы «достойных мужей» [3: 19] и «порядочных людей» [3: 20] к конформизму и не отказываются от артистического призвания. Но легко обнаружить точку, где манновские роман об авантюристе и автобиография расходятся: для Томаса Манна-писателя «излучала фантастическое духовное очарование» «пародическая идея – элемент нежно-любимой традиции, гетевский автобиографизм самовоспитующейся личности, исповедующийся аристократизм перевести в план преступного» [5: 129], и он воплотил ее, пародируя в «Феликсе Круле» «Поэзию и правду», а у Томаса Манна-человека никогда не возникало желания противопоставить себя Гете¹ и в автобиографическом очерке он подчеркнуто соотносит себя с юным гением, изображенным в «Поэзии и правде».

Постижению самоидентификации Томаса Манна особенно способствует та часть очерка, где перечисляются компоненты достигнутого им

¹ Даже свое насмешливо-снихождительное отношение к Мейстеру он почти парадоксальным образом рассматривал как фактор, сближающий его с великим классиком. Весьма показательным, что у Томаса Манна, который читает книгу Г.Келлера, «все больше и больше восхищаясь» «честно завоеванной жизненностью, великолепной чистотой <...> языка», «сам повествователь, Зеленый Генрих, отнюдь не вызывает восхищения, так же, как впрочем, – и это закономерно, – герои других воспитательных или образовательных романов, и к нему еще больше применим эпитет "бедный пес", которым Гете однажды наделил своего Вильгельма» [6: 366].

«счастья», с которым «ничто не сравнится» [3: 20]. Несмотря на то что его «образ жизни» не предполагал «подобной награды» [3: 21], писателю достались «удивительно красивая молодая жена, принцесса, а не так себе женщина», тещь-«профессор королевского университета», «двое цветущих многообещающих детей», «три дебелих служанки и одна шотландская овчарка» «в подчинение», роскошная «большая квартира в избранной части города <...> со всеми удобствами новейшего времени» [3: 20], «лакированные башмаки», «триумфальные поездки» [3: 21] и аплодисменты почитателей. Ценность этих трофеев, отвоєванных у враждебного к художникам мира, призвана подчеркнуть не столько отличие автора, который «ничуть не переменялся, ни в чем не исправился», а «продолжал вести себя точно так, как вел себя, когда был последним учеником, то есть грезить, читать чужие книги и сочинять свои» [3: 21], от филистеров, сколько его избранность. Она роднит Томаса Манна с другим баловнем судьбы – Гете, «чьим преемником» ему «всегда нравилось видеть себя» [7: 15], тем более, что и самореализация обоих – до поры – происходит преимущественно в сфере духа и искусства.

Примечательна специфика решения конфликта между миром и потенциально великим художником, а именно таким видит себя молодой автор очерка: несмотря на то что «писатель – это <...> человек, решительно непригодный к какой-либо иной добропорядочной деятельности, <...> субъект, для государства не только бесполезный, но и вредный, бунтарски настроенный» [3: 21]), общество, которое «должно было бы клеймить, да, по существу, и клеймит одним лишь презрением» писателей, все же и «почитает людей этой сомнительной специальности», предоставляет им «возможность <...> добиваться высших почестей и благосостояния» [3: 21]. Причины такого попустительства удивляют молодого Томаса Манна. Со временем преодолев индивидуализм, он поймет, что писатель – часть общества, что «всякое значительное произведение воспринимается как явление социаль-

ное... Нам кажется, что мы выражаем только себя, говорим только о себе, и вот оказывается, что из глубокой связи, из инстинктивной общности с окружающим, мы создали нечто сверхличное» [8: 101]. Пока же, увенчанный в родном городе лавровым венком, он готов к тому, чтобы снисходительно и не стесняя себя обязательствами, принимать и более высокие дары общества, а может, и благосклонной судьбы: «... если я завтра получу орден, я, поверьте, даже не поморщусь» [8: 101].

Итак, автобиографический очерк «В зеркале» построен на столкновении двух родственно-противоборствующих жанровых интенций, входящих к Гете. Томас Манн, выявляя абсолютное отличие собственной эволюции от поступательного становления позитивного, но ординарного бюргера-конформиста Вильгельма Мейстера, настойчиво подчеркивает ее близость показанному в «Поэзии и правде» самоосуществлению молодого гения Гете.

1. *Гайжюнас С.В.* Роман воспитания: Поэтика и типология жанра: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1980. – 186 с.
2. *Манн Т.* Искусство романа // Собр. соч.: в 10 т. – М.: Худож. лит., 1961. – Т. 10. – С. 272 – 287.
3. *Манн Т.* В зеркале // Манн Т. Путь на Волшебную гору / пер. с нем. – М.: Вагройус, 2008. – С. 19 – 21.
4. *Манн Т.* Рассуждения аполитичного (фрагменты) // Манн Т. Путь на Волшебную гору / пер. с нем. – М.: Вагройус, 2008. – С. 22 – 79.
5. *Манн Т.* Очерк моей жизни // Манн Т. Путь на Волшебную гору / пер. с нем. – М.: Вагройус, 2008. – С. 108 – 149.
6. *Манн Т.* История «Доктора Фауста» // Манн Т. Путь на Волшебную гору / пер. с нем. – М.: Вагройус, 2008. – С. 258 – 396.
7. *Ант С.* Достоинство духа // Манн Т. Путь на Волшебную гору / пер. с нем. – М.: Вагройус, 2008. – С. 5 – 18.
8. *Манн Т.* Речь, произнесенная на банкете в день пятидесятилетия // Манн Т. Путь на Волшебную гору / пер. с нем. – М.: Вагройус, 2008. – С. 99 – 101.

ESSAY «IN THE MIRROR» BY TH.MANN: DIALOGUE BETWEEN WRITER'S AUTOBIOGRAPHY AND HIS BILDUNGSROMAN

L.K.Gabdulatzyanova

The author studies and analyzes the autobiographical essay «In the Mirror» by T.Mann. The clash of two intimate-antitetical conceptions in the making of personality are taken as the standpoint. Thus two works of Goethe – his Bildungsroman "Wilhelm Meister's Years of Learning" and the autobiographical work "From my life. Poetry and Truth" are the objects of the research. It is stressed in T.Mann's work "Poetry and Truth" that there exists a difference between his own evolution and the positive development

of an ordinary burgher, Wilhelm Meister, as well as a similarity to the self-realization of a young genius – Goethe.

Key words: Th.Mann, I.W.Goethe, autobiography, Bildungsroman, evolution of a personality, self-realization.

* * * * *

Габдулатзянова Лилия Кариповна – старший преподаватель кафедры русского языка и литературы Набережночелнинского института социально-педагогических технологий и ресурсов.

E-mail: l.gabdulatzyanova@yandex.ru

Поступила в редакцию 17.05.2012